

УДК 330.8
ББК 65.02

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

«ЗАЕМЛЕННАЯ» ИСТОРИЯ:

В.Н. Шерстобоев и исследовательский проект изучения истории земледелия в СССР

Статья возвращает самостоятельное значение в рамках экономической историографии проблемной области истории земледелия, ныне отсутствующей на аморфном и неструктурированном исследовательском поле аграрной истории, и проекту ее изучения, предпринятому советской наукой. Свое место в проекте находит творчество В.Н. Шерстобоева, сумевшего через обращение к истории практик («бесперывного опыта») сибирских крестьян преодолеть грань между технико-экономическим и социальным. Грань, о которую споткнулась «большая» историческая наука, сведшая экономическую историю земледелия к истории производительных сил в земледелии.

Ключевые слова: история земледелия, история практик, история производительных сил, В.Н. Шерстобоев, экономическая история, экономическая историография.

D. YA. MAIDACHEVSKY

«GROUNDED» HISTORY:

V.N. Sherstoboev and a research project studying the history of agriculture in the USSR

Article returns independent significance in economic historiography of the history of the problem area of agriculture, now missing on amorphous and unstructured research field of agrarian history, and its draft study taken by the Soviet science. Its place in the project is creativity V.N. Sherstoboev, managed through an appeal to the history of the practice as a «continuous experience» Siberian peasants to overcome the distinction between the technical, economic and social. The face of that tripped «big» historical science, created economic history of agriculture in the history of the productive forces in agriculture.

Keywords: agricultural history, practices history, the history of the productive forces, V.N. Sherstoboev, economic history, economic historiography.

...как бы далеко ни проникло историческое объяснение, оно никогда... не дойдет до загадочных производительных сил, оно найдет только людей, ...которые производят...

Поль Вен

Настоящая статья реконструирует на первый взгляд малозначимое научное событие — участие Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963) в первом из подготовленных и выпущенных Институтом истории АН СССР сборников «Материалов по истории земледелия СССР» и шире — в исследовательском проекте изучения истории земледелия в СССР, предпринятом созданной в этой научной институции одноимен-

ной Комиссией. Однако, благодаря рассмотрению указанного научного события не в локальном контексте, а в контексте, имеющем отношение к предмету изучения — дисциплинарной истории, микроситуация оказывается способной пролить свет на развитие экономической истории — проблемной областью которой история земледелия выступала, позволяет наблюдать конкретную конфигурацию дисциплинарного поля историко-экономического знания в конкретный момент его истории.

Отечественная историография исторической науки не игнорирует указанный исследовательский проект и сложившиеся по ходу его реализации институции, рассматривая в качестве положивших начало координации научной деятельности историков-аграрников (в настоящее время осуществляемой в рамках Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). Тем самым, однако, не просто оставляя за пределами своего внимания, а сознательно обходя стороной вопрос содержательной/предметной специфики проблемной области истории земледелия, как нацеленной на изучение аграрного прошлого в его технологическом и экономическом, но не социальном измерении. Вопрос, вряд ли снятый с повестки дня исторической науки рождением монстра «социально-экономической истории» и поныне остающийся досадной преградой на пути траектории развития отечественной аграрной истории от дореволюционной истории крестьянства к современной сельской истории. Преградой, появление которой историографии наших дней куда как проще списать на засилье формационной парадигмы — тем более что все основания для этого имеются, — нежели, отказавшись от кумулятивистских, линейных моделей развития науки, осуществить историческую реконструкцию исследовательской области истории земледелия.

Начало реализации проекта изучения истории земледелия связывается с созданием на исходе 1949 г. Президиумом АН СССР уже упоминавшейся Комиссии, а также с научно-организационной деятельностью инициировавшего появление и возглавившего ее директора Института истории, академика Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953). Именно последняя позволяет отнести рождение проблемной области — в послевоенные годы получившей лишь свое институциональное оформление — отнюдь не к моменту обретения окончательных формулировок концепцией истории русского крестьянства в монографии «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII в.» 1946 г, а на два десятка лет назад от этой даты. В 1920–1930-е гг., заложившие, как представляется, не только конфигурацию, но и предметную ориентацию области, благодаря, в первую очередь, сотрудничеству ученого с Государственной академией истории материальной культуры¹, «ответственной» за выработку концептуальных положений, на десятилетия определивших развитие со-

¹ В секторе феодальной формации ГАИМК Б.Д. Греков возглавлял группу «Феодализм в России», являясь помимо этого сотрудником групп «Возникновение феодализма» и «Феодальный способ производства» [18, с. 244].

ветской исторической науки [23]. С институцией, где «подпитываемая господствующим тогда пониманием марксизма “история производительных сил” приобретает все больший размах, причем работы по этой тематике выходят как из-под пера “старых специалистов”, так и создаются представителями новой генерации гуманитариев в рамках разных дисциплин» [18, с. 248], будь то история, археология или этнография¹.

Руководство исторической секцией Совета по изучению производительных сил при Президиуме АН СССР и возникший в рамках ее работы под влиянием Николая Ивановича Вавилова (1887–1943) интерес к новым приемам изучения проблем «происхождения основной индустрии человечества — земледелия» [2, с. 15]², вылились в сотрудничество с возглавляемой последним секцией истории агрикультуры Института истории науки и техники. Разработку проблем «Истории земледелия СССР» — именно такое название уже в 1932 г. в планах работы секции обрело выпавшее на его долю направление исследований — Б.Д. Грекову предстояло вести в тесном взаимодействии с привлеченными к ее не только и не столько историко-научным, сколько работам по истории техники земледелия, возделывания растений, почвоведения и одомашнивания животных ботаниками и растениеводами, почвоведом и экономистами, лесоведами и биологами [6; 10; 19]. Подход к исследовательской области истории земледелия через обращение к зерновым культурам, животным, почвам, орудиям, стремящийся дать широкую картину истории исчезнувшей земледельческой культуры, земледельческой цивилизации, воплощая несбывшиеся замыслы Н.И. Вавилова [3, с. 187], спустя годы ученый попытался хотя бы отчасти реализовать в рамках уже Комиссии по истории земледелия (далее — Комиссия).

¹ Область исследования своей удостоенной Сталинской премии первой степени книги Б.Д. Греков определял как «историю крестьянства». Призванная обобщить «внушительное историко-литературное наследство» как дореволюционной, так и уже советской историографии, она должна была стать прологом к написанию не только истории последующих этапов жизни русского крестьянина, но шире — истории сельского населения. Широкое привлечение археологических данных служило целям критики «предрассудка» Ключевского-Рожкова и утверждения собственной концепции земледелия как хозяйственной основы жизни уже древнеславянского общества (До-Киевской Руси) [5, с. 3–12, 21–42], но не делу строительства новой исследовательской программы изучения истории земледелия.

² «В Советской стране, строящей социализм, социалистическое земледелие, — отмечал Н.И. Вавилов в тексте своего доклада на II Международном конгрессе по истории науки и техники, — проблемы происхождения земледелия, происхождения культурных растений и домашних животных нас интересуют, главным образом, с динамической стороны. Зная прошлое, владея элементами, из которых развивалась земледельческая культура, собирая культурные растения в древних очагах земледелия, мы хотим в кратчайшее время научиться управлять историческим процессом, хотим научиться изменять культурное растение и животное в соответствии с запросами сегодняшнего дня (разрядка Н.И. Вавилова — Д. М.)» [2, с. 3]. Представляется, что отсылка к первоисточнику лучше всего способна разъяснить читателю, почему в своей статье, посвященной Б.Д. Грекову как историку земледелия, Е.И. Индова столь большое внимание уделяет, например, занимавшей ученого проблеме истории интродукции сельскохозяйственных растений на территории СССР [8].

Междисциплинарное разнообразие области грозило, однако, стать не столько ее силой и преимуществом, сколько слабостью и недостатком. Различные научные дисциплины, привлекаемые для целей изучения прошлого земледелия и сулящие не только расширение спектра суждений о нем, но и возможность претендовать на его объяснение, остро нуждались в начале, способном объединить под эгидой исторической институции столь разноплановые исследовательские темы и практики. (И желательно за пределами социальной истории, коей пронизаны были все работы последней.) В начале, позволяющем исследователям видеть себя и свои труды частью общего замысла, оставаясь, при этом, изолированными не только в границах собственных дисциплин, но и в пределах своих профессиональных специализаций. Характерно и красноречиво, в этом отношении, свидетельство историка Сергея Сергеевича Дмитриева (1906–1991), назвавшего в своих относящихся к рассматриваемому периоду дневниковых записях историю земледелия «тяжелым и непопулярным» даже среди историков «возом», который «бедному» Б.Д. Грекову приходится тянуть практически в одиночку, пытаясь «сколотить» [7, № 4, с. 123] вокруг него исследовательское сообщество¹.

Подобным объединяющим началом призван был, отчасти, послужить издательский, по сути, проект², выработанный Комиссией на начальном этапе своей научно-организационной деятельности. Он предус-

¹ Историк культуры и общественной мысли С.С. Дмитриев был привлечен Б.Д. Грековым к участию в работе Комиссии в период его занятий М.Г. Павловым — видным представителем русской сельскохозяйственной науки 1820–1830-х гг., обещавших вылиться в докторскую диссертацию «М.Г. Павлов и развитие русской сельскохозяйственной науки. (Из истории русского общества и русской агрономии в первой половине XIX века)» [7, № 4, с. 128]. В контексте нашего исследования примечателен, однако, не столько историко-научный характер предпринятого Дмитриевым и поддержанного Грековым, в котором он видел «серьезного и благожелательного оппонента» своей будущей диссертации, исследования, сколько мучавшие автора и доверенные дневнику сомнения: «Затруднения в том, что он [М.Г. Павлов] и философ, и физик, и химик, и сельскохозяйственный ученый, а я историк и нуждаюсь в степени доктора исторических наук» [7, № 3, с. 154]. Реальное же участие С.С. Дмитриева в работах Комиссии свелось к написанию (в соавторстве с С.Г. Струмилиным) рецензии на первый сборник ее трудов, см.: Дмитриев С. Ценный труд по истории земледелия / С. Дмитриев, С. Струмилин // Литературная газета. 1953. 14 апр. (№ 45).

² Машинописная копия документа, озаглавленного «Объяснительная записка к плану многотомника по истории земледелия в СССР (Томы, посвящаемые досоветскому времени)» и разосланного, по всей видимости, потенциальным авторам первого сборника «Материалов по истории земледелия СССР», отложилась в личном архивном фонде В.Н. Шерстобоева (сохранилась не полностью и обрывается на плане I-III томов многотомника) [ГАИО, д. 298, лл. 7-12]. В сопроводительном письме, датированном 10 марта 1950 г., ответственный секретарь Комиссии Николай Иванович Павленко писал: «Считаю, что посылаемая "Объяснительная записка к плану многотомника" несколько разъяснит аспекты статей для Сборника по истории земледелия. Предлагаемая вашему вниманию "Записка" излагает предварительные взгляды на этот вопрос. Она, как и план многотомника, еще не обсуждалась широким кругом специалистов и не утверждена. Однако основные положения ее очевидно останутся без изменений» [ГАИО, д. 298, л. 15].

матривал, во-первых, «монографическую разработку узловых проблем и частных вопросов истории земледелия в СССР» с публикацией ее результатов в форме книг и статей; во-вторых, осуществление источниковедческих разысканий и публикаций, приводящих «в известность многочисленные архивные материалы», отложившиеся как в центральных, так и местных архивах; в-третьих, составление связного коллективного труда по истории земледелия в нашей стране с древнейших времен до наших дней», подводящего итог проделанной работе и ставящего задачи на будущее [ГАИО, д. 298, л. 7–8]. Тот же издательский проект, но получивший уже статус официального поручения Президиума, анонсировал Б.Д. Греков на февральской 1952 г. сессии Отделения истории и философии АН СССР, специально посвященной вопросам изучения истории земледелия в СССР [9, с. 92].

На упомянутой сессии, впрочем, был среди прочих сделан — Виктором Корнельевичем Яцунским (1893–1966) — доклад, по крайней мере, своим названием — «*Очередные вопросы изучения истории земледелия в СССР*» — претендовавший на статус программного, но таковым на деле не ставший. Даже в лаконичных строках официального отчета он представлен как источниковедческий, ознакомивший слушателей с материалами, «которые должны быть использованы при составлении истории земледелия СССР» [9, с. 93]. Полный его текст, опубликованный на страницах «Известий АН СССР», лишь добавляет к обзору источников обзор историографический, и оставляет у читателя ощущение нерешительности, с которой автор касается вопросов, как он сам определяет, «принципиального порядка, относящихся ко всей ... программе работ по истории земледелия». Для того чтобы не только почувствовать, но и понять причину этой нерешительности, достаточно сравнить, пытаясь найти отличия, две (из четырех) следующие друг за другом программные установки: 1) «изучение истории развития производительных сил в земледелии ни в коем случае не должно быть оторвано от истории производственных отношений»; 2) «стремление подтянуть отстающий участок — историю производительных сил в земледелии не следует ни в коем случае рассматривать как стремление отодвинуть на задний план... исследования... истории производственных отношений в земледелии» [27, с. 249].

За обильно разбросанными по тексту статьи «раскланиваниями» и «расшаркиваниями» перед производственными отношениями и классово-вой борьбой в земледелии скромно пряталась отнюдь не самостоятельная исследовательская область истории земледелия, нацеленная на изучение аграрной истории в ее технологическом и экономическом измерениях, а так и не получивший внятного определения «отстающий участок» последней. Участок, охватывающий прошлое производительных сил в земледелии и именно в силу своей «отсталости» обретший актуальность и право на первоочередное исследовательское внимание со

стороны историков. (Как будто ссылка на подобную «отсталость» могла защитить исследовательскую область от критики со стороны защитников «чистоты марксизма», оставлявших за исторической наукой изучение влияния, оказываемого экономикой на политику, право, моральные воззрения эпохи, но не самой этой экономики и тем более «технического» ее базиса.) Притом, что уже в первых строках своей работы В.К. Яцунский ясно и недвусмысленно обозначил историю земледелия (аграрную историю, историю сельского хозяйства) в качестве «очень большого раздела истории нашего хозяйства» [27, с. 239].

В программной статье В.К. Яцунского отчетливо просматривается «шаг назад» по сравнению даже с двухлетней давности «Объяснительной запиской к плану многоотомника по истории земледелия в СССР», которая не ограничилась изложением издательских планов Комиссии и попыталась, задавая ориентиры исследователям, определить содержательную специфику и контуры новой проблемной области. «Записка», не оставляя сомнений в принадлежности последней к истории хозяйства, указывала на «земледельческое производство» как на объект изучения области и называла историю производительных сил в качестве «стержня», вокруг которого должно осуществляться не только его исследование, но и изложение полученных результатов [ГАИО, д. 298, л. 9]. Более того, она, не ограничиваясь призывами к сотрудничеству историков со «специалистами по земледелию» и избирательным подходом поиска ответов на «узловые вопросы истории развития производительных сил в земледелии»¹, а, взяв за основу структуру последних и пытаясь охватить все стороны земледельческого производства, предлагала предметы, которые можно было считать законной частью истории земледелия. Их диапазон простирался от изучения климата и почв тех территорий, земледельческое производство которых изучается, до определения эффективности и способов организации в нем труда. Свое место в этих широких пределах находили исследование способов восстановления плодородия почвы, полевых культур², технических приемов земледелия, систем полеводства и севооборотов и т.д. [ГАИО, д. 298, л. 9–10].

¹ К числу таковых В.К. Яцунский отнес четыре: историю сельскохозяйственных растений и животных, историю сельскохозяйственной техники и организации сельскохозяйственного производства, динамику урожайности и динамику цен на сельскохозяйственную продукцию [27, с. 243–245].

² Если первый сборник «Материалов по истории земледелия СССР», ставший зримым результатом начавшейся реализации издательской программы Комиссии, был составлен из статей исключительно историков и археологов, то второй — подготовлен усилиями главным образом исследователей из Всесоюзного института растениеводства ВАСХНИЛ и посвящен истории возделывания на территории страны пшеницы, льна, клевера, ячменя, картофеля, томатов, хлопка, винограда и чая. Редактором тома и автором вводной статьи об отечественных и пришлых зарубежных культурных растениях в СССР выступил известный российский биолог, ученик Н.И. Вавилова, Петр Михайлович Жуковский (1888–1975), в те годы возглавлявший институт [14].

Весьма примечательно и символично пограничное положение, занимаемое в структуре проблемной области историей земледельческого труда. Оно не только символизировало появление среди «материальных» производительных сил человека или обозначало место «перехода» от производительных сил к области производственных отношений, вытекающие из предлагаемого «Запиской» видения земледельческого производства как единства производительных сил и производственных отношений в земледелии. История земледельческого труда была и линией противостояния историков и экономистов, работавших на проблемном поле истории земледелия¹, «передовой», с которой последние — в лице Станислава Густавовича Струмилина (1877–1974) — направляли стрелы своей критики в адрес построений историков (прежде всего, Б.Д. Грекова). Критики, опровергавшей основанные на «баснословных» сведениях археологов утверждения последнего о земледелии как господствующей отрасли хозяйства в древней Руси. И совершенно, как полагал экономист, не считавшиеся с «таким элементарным фактом, как соответствующий мотыжной технике крайне низкий уровень производительности земледельческого труда» [22, с. 173]².

Впрочем, во многом «технократическая» критика экономистом конкретных построений историков с позиций сравнительного анализа уровня производительности труда в земледелии на различных этапах его развития не только не поколебала, но даже укрепила основания и границы исследовательской области истории земледелия, ими заложенные. Укрепила, поскольку смена форм хозяйства и соответствующих им систем земледелия, в его концепции, предопределялась в конечном итоге — через рост продуктивности труда — прогрессом в орудиях последнего [21, с. 190]. В силу чего история земледелия осталась замкнутой в пределах ее технологической составляющей, потерпела неудачу в попытке стать экономической, не увидев тех возможностей, что открыло определение истории земледелия как истории земледельческого производства, истории способов использования сельскохозяйственных угодий (земли, пашни), истории систем земледелия. Определение, од-

¹ Создание Комиссии истории земледелия отразилось, если не на тематике, то на занятиях возглавлявшегося С.Г. Струмилиным сектора истории народного хозяйства СССР Института экономики АН СССР. Так, в 1950 г. на его заседаниях состоялись научные дискуссии, поводом к которым стали доклады самого Струмилина «Земледельческий труд в России и СССР», а также В.М. Слободина «История систем земледелия в СССР» [АРАН, л. 2]. Текст последнего, заметим, лег в основание статьи, опубликованной на страницах первого сборника «Материалов по истории земледелия СССР».

² Цитируемая нами статья при ее переиздании в сборнике избранных историко-экономических работ С.Г. Струмилина в 1966 г. сменит свое название на более точно отражающее содержание. Опубликованная же на страницах «Вопросов экономики» в 1949 г. назвалась «К истории земледельческого труда в России» [20] и в книге 1966 г. дала название целому разделу.

них заставлявшее выстраивать жесткую последовательность: природные условия → уровень развития земледельческой техники → система земледелия → общественные поземельные отношения, а других — рассматривать три из четырех ее элементов, включая социальные/экономические отношения, в качестве факторов, под воздействием которых закономерно складывается на том или ином отрезке истории порядок использования земли, или форма земледельческого производства. К числу последних принадлежал «облачившийся в тогу историка» экономист-аграрник В.Н. Шерстобоев.

Участие сибирского ученого в исследовательском проекте не может быть, на наш взгляд, сведено к написанию по просьбе Комиссии статьи для первого сборника «Материалов по истории земледелия СССР» [24], вызвавшему переписку с ответственным секретарем Комиссии и членом редколлегии издания Н.И. Павленко, а также секретарем Комиссии И.В. Ледовской. В один ряд с фактом обращения к исследователю с предложением, всего лишь указывающим на соответствие направления его работ целям и задачам Комиссии, следует, на наш взгляд, поставить и другие, куда более важные, а главное, хронологически ему предшествовавшие. На первое место следует поместить, конечно же, выход в свет именно в 1949 г. первого тома «Илимской пашни», основные элементы структуры и содержания ключевой главы которого — «Экономика и техника крестьянского хозяйства» — нетрудно обнаружить за лаконичными формулировками «элементов производительных сил в земледелии» упоминавшейся выше «Записки», задававших границы проблемной области истории земледелия. Заслуживает упоминания и факт установления еще до выхода книги в свет научных контактов не просто с сотрудничавшими с Комиссией учеными, но ключевыми в ней фигурами — С.Г. Струмилиным [16] и Виктором Ивановичем Шунковым (1900–1967) [12], позволивших тем быть в курсе поднятых в ней проблем и служивших гарантией внимания и интереса к будущей книге¹.

В том же ряду, но особое место занимают научные связи В.Н. Шерстобоева с выступившим в качестве главного «идеолога» Комиссии В.К. Яцунским, который, начиная с первого обращения к творчеству сибирского ученого в обзоре местных исторических изучений 1949 г., регулярно подчеркивал решающую роль «неисторической», аграрно-экономической научной специализации ученого в деле осуществления им глубокого исторического анализа земледельческого производства [11]. «Историк, — как писал и не без известной доли самокритики под

¹ Имеются в виду, прежде всего, не заставившая себя ждать рецензия В.И. Шункова, завершавшаяся словами, что книга «...обогащает наши конкретные представления об одном из важных вопросов — истории земледелия в России» [25, с. 135], а также помощь, оказанная С.Г. Струмилиным в деле защиты первого тома «Илимской пашни» в качестве диссертации на степень доктора экономических наук в Институте экономики АН СССР.

влиянием позитивного опыта «Илимской пашни» В.К. Яцунский уже в своей «программной» статье 1952 г., — легко разбираясь в исторических памятниках, не всегда вооружен знанием основ и, тем более, деталей земледелия» [27, с. 250]. И, наконец, упомянем о появлении уже по ходу работы В.Н. Шерстобоева над статьей для сборника еще одной рецензии на его книгу. Рецензии, вышедшей теперь уже из-под пера не «сибироведа» (преимущественно с точки зрения разработки в ней проблем крестьянской колонизации Сибири критически разобрал «Илимскую пашню» В.И. Шунков), а ответственного секретаря Комиссии по истории земледелия Н.И. Павленко, который буквально вторил своему старшему коллеге: «Историки, изучающие крестьянское хозяйство России XVII–XVIII вв., встречаются с трудностями, которые редко удавалось преодолеть. Никаких письменных документов о своем хозяйстве крестьяне, разумеется, не составляли, и его экономику, как и агротехнику, приходится восстанавливать по иным, в большинстве случаев косвенным источникам... Читатель... может убедиться в том, какую сложную и кропотливую работу проделал В. Шерстобоев, чтобы получилась достаточно полная и исчерпывающая характеристика экономического состояния земледелия в целом и даже отдельных хозяйств пашенных крестьян» [15, с. 60].

Статья В.Н. Шерстобоева интересна в контексте предпринятого исследования не столько своим содержанием (которое в достаточно сжатой, а порой и конспективной форме воспроизводило текст ключевых разделов уже опубликованного и еще находящегося в работе томов «Илимской пашни»), сколько структурой. Последнюю автор, не сталкиваясь при этом с какими бы то ни было сложностями, фактически выстроил, как и было ему рекомендовано, в соответствии с задаваемой перечнем элементов развития производительных сил в земледелии «Объяснительной запиской к плану многотомника по истории земледелия в СССР». «Отклонения» от близкой и понятной ему исследовательской схемы были связаны, прежде всего, с включением в текст краткого обзора использованных источников, подчеркнувшего факт образования ими «непрерывной серии документов, связанных хронологической последовательностью и дающих возможность проследить развитие сельского хозяйства за 300 лет» [24, с. 279]. Вслед за чем следовали характеристика накладывающих отпечаток на характер местного земледелия природных условий, а также описание процесса заселения территории Северного Предбайкалья и основных категорий связанного с землей населения.

Если перечисленные «отклонения» как отражающие особенности истории местного земледелия были приняты редакционной коллегией сборника, то совершенно иная участь ждала раздел статьи, написанный в полном соответствии с рекомендацией Комиссии отслеживать исто-

рию развития каждого элемента производительных сил в земледелии в неразрывной связи с производственными отношениями эпохи. Как отмечал в своем письме от 15 ноября 1950 г., сообщавшем автору о принятии его статьи к опубликованию, Н.И. Павленко, «Комиссия считает, что этот раздел имеет лишь косвенное отношение к профилю сборника. Поэтому было бы целесообразнее его снять» [ГАИО, д. 298, л. 5]¹. Имеющим лишь «косвенное» отношение к истории земледелия был признан раздел, посвященный взаимоотношениям пашенного крестьянина с государством, его платежах в казну, социальном расслоении крестьян, распространении среди них отношений найма и т.д. Что свидетельствовало, на наш взгляд, о стремлении Комиссии сделать проблемное пространство истории земледелия прибежищем главным образом исследований (и исследователей) технических и экономических аспектов аграрного прошлого.

Стремление это наталкивалось, однако, на отсутствие даже робких попыток со стороны сотрудничавших с комиссией исследователей преодолеть благодаря «очеловечиванию» производительных сил жесткие детерминистские схемы официального марксизма. Тем более что определение истории земледелия как истории земледельческого производства, как истории людей, занятых производством, т.е. истории производительных сил, вполне позволяло это сделать. В.Н. Шерстобоев, например, настаивал, что за данными исторических источников («непрерывной серии документов, связанных хронологической последовательностью» и касающихся повседневных вопросов) перед исследователем предстает история «беспрерывного опыта», история земледельческих практик или навыков сельскохозяйственной деятельности. В процессе этой деятельности куется «самое сильное орудие» земледельца — «тонкое и беспрерывное наблюдение за явлениями природы и приспособление своей деятельности к внешним естественноисторическим условиям» [ГАИО, д. 128, л. 7], вырабатываются приемы местной агротехники. Но те же самые практики повседневного противостояния и приспособления к природе, обретения земледельцем практических навыков и знаний, позволяют тому состояться в определенном социальном качестве — пашенного крестьянина и, в конечном счете, сформировать не подходящий ни к одной известной формации строй пашенных крестьян. «Большая» историческая наука — в лице, например, В.И. Шункова — подхватившая идею В.Н. Шерстобоева рассматривать всю сельскохозяйственную деятельность крестьян как

¹ Автор письма ведет речь о пятом разделе работы, не раскрывая его содержания. Однако этот раздел, насколько позволяет судить сохранившаяся в личном архивном фонде В.Н. Шерстобоева рукопись статьи [ГАИО, д. 128, 72 л.], посвященный животноводству как отрасли хозяйства пашенного крестьянина, сохранил свое место в опубликованном ее тексте. Речь, следовательно, идет о следующем, шестом разделе рукописи, действительно отсутствующем в окончательном варианте статьи. Разночтения обусловлены, по всей видимости, либо расхождениями между рукописным и машинописным (не отложившимся в архиве) вариантами, либо тем, что первый раздел рассматривался редакцией как введение.

бесперывный опыт, оставила от нее, в конечном итоге, только последнее слово. Да и то, обозначив им «зарождение в области земледелия явлений, свидетельствующих о попытках сознательного отношения к разрыву земледелия» [26, с. 245], т.е. отождествив с экспериментом.

Бесплодность попыток разграничить проблемное пространство аграрной истории, найдя на нем место технически и экономически ориентированной истории земледелия, лучше всего, на наш взгляд, продемонстрировала рецензия на первый сборник «Материалов по истории земледелия СССР», опубликованная на страницах «Вопросов истории». Ее авторы, начав за здравие, т.е. приветствуя обращение исторической науки, всецело поглощенной изучением прошлого производственных отношений, к пресловутому «отстающему участку» — истории развития производительных сил в земледелии, кончили за упокой: упреками в приоритетном внимании, отданном истории сельскохозяйственной техники и преемственности и смене систем земледелия, и отсутствию такового к ...производственным отношениям. Поставив своей рецензией даже не диагноз, а приговор целой проблемной области, на фоне которого попытка назначить виновных — составителей сборника (а фактически, Комиссию по истории земледелия), как не определивших его авторам четко очерченный круг «основных вопросов, необходимых для разрешения определенной проблемы» [17, с. 116], кажется уже мелочью.

Исполнение «приговора» не заставило себя долго ждать. С уходом Б.Д. Грекова с поста директора Института истории (1953) прекратит свое существование, став всего лишь институтским сектором, Комиссия по истории земледелия. Лишь по инерции, спустя три года после его смерти, будет издан второй сборник «Материалов по истории земледелия СССР». Последующие будут носить уже другое заглавие — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР» по названию Комиссии Института истории АН СССР. Вместо многотомника по истории земледелия увидят свет пять томов «Истории крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». Предисловие к нему, раскрыв замысел издания — показать историю крестьянства как класса, даже не упомянет об исследовательском проекте изучения истории земледелия и о совсем других замыслах его участников.

Список использованной литературы и источников

1. Архив РАН. — Ф. 1877 (Институт экономики АН СССР). — Оп. 1. — Д. 457.
2. Вавилов Н. И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований / Н. И. Вавилов. — М. ; Л. : Гос. техн.-теоретич. изд-во, 1932. — 15 с. — (Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники (Лондон, июнь-июль 1931 г.)).
3. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков / Н. А. Горская. — М., 1999. — 271 с.

4. Государственный архив Иркутской области. — Ф. р-2683 (В. Н. Шерстобоев). — Оп. 1.
5. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б. Д. Греков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — 943 с.
6. Дмитриев А. Н. Институт истории естествознания и техники в 1932–1936 г. / А. Н. Дмитриев // Вопросы истории естествознания и техники. — 2002. — № 1. — С. 3–28.
7. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / публ. и прим. Р. Г. Эймонтовой // Отечественная история. — 1999. — № 3. — С. 142–169; № 4. — С. 113–128.
8. Индова Е. И. Б. Д. Греков — историк земледелия / Е. И. Индова // Исследования по истории и историографии феодализма: к 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова / ред. Ю. В. Бромлей [и др.]. — М.: Наука, 1982. — С. 49–53.
9. История земледелия в СССР (Сессия Отделения истории и философии) // Вестник АН СССР. — 1952. — № 3. — С. 92–94.
10. Колчинский Э. И. Николай Иванович Вавилов / Э. И. Колчинский // Историко-биологические исследования. — 2013. — Т. 5, № 3. — С. 85–89.
11. Майдачевский Д. Я. «...Считайте меня Вашим преданным почитателем»: по страницам переписки В.Н. Шерстобоева с В.К. Яцунским / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. — С. 9–17.
12. Майдачевский Д. Я. Еще одна история с географией, или О том, как «исчезла» илимская пашня / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 4–17.
13. Материалы по истории земледелия СССР / АН СССР, Ин-т истории; ред. Б. Д. Греков. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — Сб. 1. — 632 с.
14. Материалы по истории земледелия СССР / Ин-т истории АН СССР, Всесоюз. ин-т растениеводства ВАСХНИЛ; ред. Б. Д. Греков, П. М. Жуковский. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Сб. 2: К истории отдельных культурных растений СССР. — 748 с.
15. Павленко Н. И. [Рецензия] / Н. И. Павленко // Советская книга. — 1951. — № 4. — С. 58–61. — Рец. на кн.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949.
16. Переписка В. Н. Шерстобоева с академиком С. Г. Струмилиным / публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. — С. 13–20.
17. Пяташева Н. В. [Рецензия] / Н. В. Пяташева, В. А. Александров // Вопросы истории. — 1953. — № 2. — С. 111–116. — Рец. на кн.: Материалы по истории земледелия СССР / ред. Б. Д. Греков. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — Сб. 1. — 632 с.
18. Свешников А. В. Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930-х годов / А. В. Свешников, О. С. Свешникова // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. — М.: Красанд, 2010. — Вып. 30. — С. 236–256.
19. Сенченкова Е. М. Н. И. Вавилов и Институт истории науки и техники АН СССР / Е. М. Сенченкова // Вопросы истории естествознания и техники. — 1988. — № 2. — С. 82–90.
20. Струмилин С. Г. К истории земледельческого труда в России / С. Г. Струмилин // Вопросы экономики. — 1949. — № 2. — С. 44–62.

21. Струмилин С. Г. Ответ критикам / С. Г. Струмилин // Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. — М. : Наука, 1966. — С. 187–196.

22. Струмилин С. Г. Система хозяйства и производительность труда / С. Г. Струмилин // Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. — М. : Наука, 1966. — С. 171–187.

23. Формозов А. А. ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. / А. А. Формозов // Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. — М. : Знак, 2004. — С. 164–186.

24. Шерстобоев В. Н. Земледелие Северного Предбайкалья в XVII–XVIII вв. / В. Н. Шерстобоев // Материалы по истории земледелия СССР / АН СССР, Ин-т истории ; ред. Б. Д. Греков. — М. : Изд-во АН СССР, 1952. — Сб. 1. — С. 279–302.

25. Шунков В. И. [Рецензия] / В. И. Шунков // Вопросы истории. — 1950. — № 3. — С. 132–135. — Рец. на кн. : Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949.

26. Шунков В. И. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири XVII века / В. И. Шунков // Материалы по истории земледелия СССР / АН СССР, Ин-т истории ; ред. Б. Д. Греков. — М. : Изд-во АН СССР, 1952. — Сб. 1. — С. 226–245.

27. Яцунский В. К. Очередные вопросы истории земледелия в СССР / В. К. Яцунский // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. — 1952. — Т. 9, № 3. — С. 239–250.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: maid1960@mail.ru.